

Туннель в Европу на Фурштатской зарос чертополохом

Историко-социологические заметки о духе, атмосфере Петербурга, его таинственности, западности.

Ключевые слова: Петербург, душа Петербурга, эмиграция, Потемкин.

Дмитрий Тайц

Дмитрия Аркадьевича Тайца я знаю неправдоподобно давно. Он — ленинградец / петербуржец, выпускник Политехнического института (теперь — университета), физик, кандидат наук, занимавшийся многие годы решением теоретических и прикладных задач, возникающих в ВПК. Но он не только автор научных и научно-популярных работ, но активно работает в области истории науки. К тому же, он успешно пробует себя в поэзии; одно из его стихотворений было размещено на обложке юбилейного номера питерского журнала «Звезда».

Б. Докторов

В своём знаменитом труде «Душа Петербурга»¹ замечательный ученый Николай Павлович Анциферов говорит: «Описать *Genius loci* Петербурга сколько-нибудь точно задача совершенно невыполнимая. Непосильная задача дать определение духа Петербурга. Можно поставить себе более скромное задание: наметить пути, на которых можно обрести «чувство Петербурга», вступить в проникновенное общение с гениями его местности». Влияние особого духа Петербурга как целого и его вариаций в зависимости от места, к которому мы присматриваемся, проявляются, как отмечает Анциферов, тогда, «когда мощный народ разрывает традиционные **пути замкнутого национального бытия**, мощно влекомый волею к жизни и волею к власти. *Оторванность* этой новой столицы от **истоков национального бытия**, о чем свидетельствует и природа, столь отличающаяся от природы Русской земли, и чуждые племена, ютящиеся в окрестностях Города, — всё это говорит о *трагическом развитии народа*».

Наблюдения Анциферова: «разрыв пут замкнутого национального бытия», «оторванность от истоков национального бытия» исчерпывающе объясняют и специфику восприятия жителями самих себя, своего Города и других народов. Что тут лукавить, неважно место рождения, сжившиеся с Городом, по крайней мере подсознательно, ощущают себя европейцами в гораздо большей степени, чем это доступно населению другой России. А, поскольку не стерлись еще следы от тех времен, когда из 2800 кораблей швартовавшихся в СПб лишь 100 были русскими, то это ощущение к тому же космополитично. Европа, западный мир, западное христианство «нависали» над Петербургом. Виданное ли это дело, чтобы столица громадного государства располагалась, на его границе, территориально отдаляясь от «своих» гораздо сильнее, чем от «чужих», но не чуждых. И не только эта «асимметрия» диктовала образ существования Петербурга. Сама земля, на которой поставлен Город, никогда не «окультуривалась» ордыно-московской дурью. Эти места, к счастью, цивилизационно осваивались в борьбе вполне «нордических», евро-ориентированных государств: Новгородского и Шведского. Становление здешнего народа исходило от доменов Холдвигга, но не от юрт Мамайя.

Вопреки желанию и действиям властей Ленинграда сам облик, дух, атмосфера, Города, климат, язык, топонимика, природа, наводнения, западные ветры их нагоняющие, белые ночи, «стокгольмские» шпильи — были препятствием полноценной

советизации, одной из целей которой начисто вытравить «спиритуалистическую» (Анциферов), духовную привязанность к Городу. Дух Места, Духи его улиц и камней тверже и долговечнее камней, как бы не боролись и отрицали апологеты того, кто вытеснил слово Камень (Петр) из имени Города. (Они, отрицающие духов, тем не менее, преклонялись и даже приносили жертвы духу, который «бродил по Европе» называя его, правда, «призраком»). Дух Петра, Духи Питера, воды, улиц, зданий, деревьев. Это не кикиморы и не ведьмы это «европейцы» (Гоголь показал, в чем здесь разница между Питером и Диканькой). Боже мой! Самое главное, самое «твёрдокаменное», не выветриваемое, вросшее в коллективное подсознание: соединение места рождения с завершённым понятием Родины именно в этой локальности. Не ответственна ли за это супер сакральная символика имени?

Имя Града было именем Первого Епископа Рима, апостола Петра, первого Папы Римского! Но об этом позже. «Не русское» в названиях вокзалов («Варшавский», «Финляндский»), дорог (Таллинн, Выборг, Хельсинки) значимы своим эмоциональным компонентом, *европейского направления*. Я хорошо помню, что в пятидесятых годах поездка на карельский перешеек, в частности родителей, навещающих детей пионер-лагерей Териок, Келломяк, Куоккала, Рауты, казалась «микро командировкой» за границу. В конце сороковых реликтом «дореволюционно-капиталистического» прошлого воспринимались «чухонки» с бидонами молока на спине, высыпавшие из пятичасового паровика на платформу Финляндского и разбредавшиеся по парадным Петроградской и Васильевского. На жизнь, взгляды, интересы, учебу живущих в Ленинграде, на их воспитание влияло не близкое прохождение границы, а непосредственное присутствие «заграницы», нависшей над каждым домом в виде общего неба. Пятидесятый год, бывший «Елизаветинский Институт», школа №10, 13 линия В. О. (здесь учился будущий космонавт, замечательный мыслитель Георгий Михайлович Гречко), напротив Фрунзенское училище, в ста метрах «эlegantнейший Крузенштерн». Урок геометрии. Учитель (Б.С. Берман) объясняет явление «горизонт». «Если вы со двора нашей школы на воздушном шаре поднимитесь на высоту 3 км., увидите невооруженным глазом не только «финнов», но и Швецию». Такая возможность зарубежного путешествия производила ошеломляющее впечатление на школьников, знавших, что они навсегда заперты в стране непроницаемых границ. Иосиф Бродский посчитал нужным, так начать вторую Нобелевскую Лекцию (вручение «Чека»): *«Ваши Величества, леди и джентльмены, я родился и вырос на другом берегу Балтики, на ее противоположной серой странице. Иногда в ясные дни, особенно осенью, стоя на пляже где-нибудь в Келломяки, мой приятель, указывая на северо-запад, говорил: «Видишь голубую полосу земли? Это Швеция». Конечно, он шутил. Тем не менее, мне приятно думать, что облака, которые я видел в окне, уже видели вы и наоборот. Мне приятно думать, что у нас что-то общее до того как мы сошлись в этом зале»*². Это «что-то общее», встроенное со школьной скамьи в сознание любо-

¹ Анциферов Н. Душа Петербурга. Л., "Лири". 1990. С. 13, 15.

² Бродский И. Речь в Шведской королевской академии при получении Нобелевской премии // Звезда, 1997, №1. С. 3 - 4.

знательного ленинградца, защищало спиритуалистическую составляющую его сознания от материалистического истирания.

Другая забавная история о «близости Запада». Наверно шестой класс (1948 г.). Учитель, это был второй урок, рассказал, как Ленин, убегая от агентов царской охранки, ушел (пешком) в Финляндию по льду Финского залива. Класс сорвался с урока и в этот день в школу не возвращался. Страшный скандал был погашен в кабинете завуча. По стовору проступок был объяснен желанием вполне патриотическим: «рвануть» по Большому Проспекту в Гавань, где открывается вид на Залив и Кронштадт и прочувствовать героизм свирепо преследуемого Ильича. Так или иначе, сам факт: пешком можно очутиться за границей, соблазнял послевоенных сорванцов, которым убежать из дома было делом обычным.

В 1953 г. десятки тысяч 18 летних жителей, восемь лет стерилизующих от заражения космополитической, буржуазной, сионистской, англо-американской скверной, были приняты в десятки технических ВУЗов. (Ленинград — город, где возможности получения технического образования были несоизмеримо высоки, даже в сравнении с Москвой). И, при всей свирепой строгости «общественных» кафедр и партийно-комсомольского контроля царило нескрываемое и даже вызывающее преклонение перед западной, в первую очередь американской техникой и наукой. Для студента Мех — или Энерго — машина Ленинградского политехнического института, например, названия американских, шведских и т. п. фирм («Лаваль», «Вестингауз»...) стало специфическим кодом речевого общения, и даже упоминание вскользь термина из британской дюймовой системы резьб было особым шиком. Даже комсорги студ-отрядов, сидя у костра в ватниках, пели на мотив из Ив Монтана:

*Ах, как я люблю томатный сок!
Америка, Америка, о лакомый кусок!*

Все это, конечно, результат, сублимации, (вытеснения и замещения) преследуемого естественного устремления молодого европейца к западным форматам культуры. Насаждаемая ненависть к капитализму, буржуазному преобразовывалась в умеренное почтение к их «вещам», порядкам и наукам. Молодежь воочию убеждалась в эффективности и человеческой направленности придуманной и сделанной вещи вне парадигмы плана и приказа. Проще, пост-сталинское поколение образованной молодежи к 1960 году созрело как космополитическое и даже, в некотором смысле, антисоветское. Да, джаз. Да, не реже раза в год у каждого — билет в Таллинн. Да, узкие брюки, толстые подошвы, болтающиеся галстуки с попугаями..., и, даже, изредка, американский флаг, но только не ужасающий немецкий. С этим боролись во всех городах, но наиболее преследовалось в Ленинграде. Естественно, здесь реально прорублена по крайней мере, щель в Европу. («Еще Петра предупреджали светские сановники с дипломатической стороны: — «Окно, государь, вещь опасная. Прорубишь окно, а в него швед влезет». «Русская история Сатириконе»³).

В конце восьмидесятых мы видели чудесный фильм «Окно в Париж». «Окно прорублено» в глухой стене сквера на Моховой напротив церкви св. Симиония. Но настоящее «Окно», и даже «Двери», «Ворота», если не «Туннели», с положенным «светом» в конце были проделаны в Европу, Америку, Мир (Мир) в семидесятых неподалеку отсюда на месте, в полном смысле слова священном, не только с метафорической натяжкой. Н. Анциферов, ссылаясь на Л. Толстого, пишет, что для нахождения целостного образа города необходимо его созерцание с высоты птичьего полета. Возможно, Петербург единственный на Земле именно так полностью может раскрыть свою душу. Мы прекрасно знаем шедевры и их построения открывающи-

ся нашему взгляду. Но не о них пойдет здесь речь. Если присмотреться к фото изображению или карте с естественной раскраской, то на Левом Берегу, напротив Крестов можно усмотреть гигантскую «Почтовую Открытку», ограниченную с Запада Литейным, на Востоке — Потёмкинской, с Севера — Шпалерной и на Юге — Кировной. Прямоугольник — почти строгое «золотое сечение» расчерчен Трезини при участии Петра в 1720 году, как и на В. О. — линиями, позже поименованными: Шпалерная, Захарьевская, Сергиевская, Фурштатская, Кировная. «Открытка» справа «оштмпелевана маркой» правильного квадрата сада Таврического Дворца. Если продолжить направление линии улиц, например Фурштатскую, на запад, то оно пронесет нас мимо стрелки Васильевского Острова над Кронштадтом и далее в Швецию и Голландию. На Восток — упрутся в застенки Шлиссельбурга.

Я утверждаю и готов показать (доказывать незачем), что эта часть Санкт—Петербурга является наиболее глубоким, наиболее поучительным и основательным Символом исторической правды Старой, Новой и Новейшей России. Подобной по духу и не придуманной знаковой силы, «проекционности» в будущее наверно не найти в России.

Начнем с одного из компонентов Символа. Фурштатская. В 1908 г. здесь располагалось посольство США. В конце восьмидесятых годов Фурштатская неожиданно, взрывоподобно обрела несколько «зловещий», почти инфернальный, даже иномиренный для нашего советского общества облик. На зданиях противоположных концов улицы появились, нет, «спустились» откуда-то сверху два гигантских, красивых, яркоцветных, знамени — чуть ли не «хоругви» Антихриста. Каждый, кто появлялся на этой улице ощущал холодок будто незаконно приблизился к границе. Два «гигантских», межэтажного размера флага — концентрированного символа враждебного мира появились на консульствах ФРГ и США. Ходили слухи, что тот, кто даже случайно появляется на улице — фиксируется. Фурштатская стала настоящими, не метафорическими воротами в «иной мир» откуда тогда уже не возвращались. Тысячные очереди, распределенные по бригадам, отмечающиеся в журналах с буквенными и цифровыми индексами клубились в перекличках среди чахлах лип ежедневно. Чем ближе очередь (только на право дать заявку и получить пустые бланки), тем чаще перекличка, вплоть до ночных отместок. Очереди в Консульства имели одну и ту же цель — покинуть страну навсегда и безвозвратно. В Германию по линии еврейской эмиграции, в Америку — через везение обретения «Грин-карты». И не важно, что двигало толпы заполнявших Фурштатскую: желание обрести свободу или (и) растворимое кофе и дубленку. Важно и знаменательно то, что фонарь в «проломе в Европу» забрезжил на этом знаковом Месте — мистическом единстве символов Русского Государства. Не символично ли, что здесь жил А.Ф. Кони, русский гений Права, которым гордится страна, чьи идеи ей не нужны. Можно ли считать частным, не важным символом то, что с этой улице ушел, что бы быть расстрелянным вместе с Августейшей семьей доктор Евгений Сергеевич Боткин. Разве не символ, живя здесь, на этой улице «разработал» свою знаменитую формулу — метафору, гений русской словесности, европеец, англоман Николай Лесков. Нам эта формула будет необходима для характеристики главного, доминирующего объединяющего провиденциального символа России. Таврического Дворца.

Князь Григорий Потемкин — один из числа самых великих мировых военноподполковников. Его талантам обязаны присоединение Крыма. Закреплению северного берега Черного моря от Днестра до Кубани, присоединению Южно— русских степей. Созданию городов (Екатеринослав, Херсон, Николаев, Севастополь и др.). Создание Черноморского флота. Воссоединение почти вся Западная Русь (Ключевский). Россия стала вели-

³ Всеобщая история, обработанная "Сатириконом". Сов. пис. Л., 1990. С. 311.

кой европейской державой. «Теперь ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не смеет» (Екатерина II). Императрица (после взятия Крыма) построила роскошный дворец назвала его Таврическим и подарила Потемкину. После взятия Измаила Императрица купила этот же дворец у князя за 460.000 р. и тут же вновь вторично подарила ему! (эта сложная процедура нужна была дабы не унижать денежной подачкой). Потемкин умер 5 октября 1791 в степи, прямо на земле в 37 верстах по дороге из Ясс в Николаев. С двумя пятаками на глазах тело Потемкина перенесено в Яссы, отпето и оставлено не захороненным до ноября. Затем перенесено в Херсон и в склепе не опущенным в землю простояло восемь лет до 1798 года. Павел не любил Потемкина и, узнав, что тело восемь лет не предано земле, повелел: («Без огласки, в особо вырытую яму, засыпать и загладить землею так, как бы его никогда не было» Павел I). Тем не менее останки Потемкина не оставались в покое и могила Потемкина вскрывалась и грабилась многократно в течении еще семидесяти лет. В 1874 году остатки манжет и куски черепа уложили в коробку и захоронили⁴.

К этому времени великий военный благодетель России почти забыт. Что-то роднит судьбу и память Таврического «маршала» и Маршала «Московского», правда получившего «пэра» в Лондоне. И даже в этом уже можно видеть посыл Таврического в будущее. По смерти Потемкина дворец перешел Екатерине, где государыня часто жила. Павел I опустошил дворец, вывезя в Михайловский Замок все, не исключая паркета, превратив Таврический в казармы лейб-гвардии конного полка. Александр I все возвратил. Он сам жил в Таврическом.

В Таврическом жил и в 1826 умер Н. М. Карамзин. Трудно отказать себе в мысли, что именно монументальный строй души великого историографа заполнил этот дворец и направил его будущее ради демонстрации уродства и сарказма, болезненных попыток приспособления к европейским формам демократии.

Знаменитый фельетонист писал (в эмиграции): *«Мы полагаем, главнейшая суть европейской парламентской демократии: «Фокстрот и всеобщее голосование». Никакой разницы между дансингом и парламентом... По плодотворной стране величайшей культуры мы желаем проехаться верхом на палочке, все еще рассчитывая на наше неотъемлемое чувство всемирности да на вечный кандачок интуиции.*

Что же удивительного в том, что из колосса на глиняных ногах мы превратились в кликушу на муравьиных ножках и психологически подготовили переход из разряда знатных в категорию нежелательных»⁵.

После 1905 г. Россия стала «конституционной». Парламенту, названному «Думой» и организованному по образцу Британской палаты общин, предоставлен «Таврический Дворец».

Невозможно не сослаться, на столь же гениальную как E = mc² для физики формулу нашего гения Николая Лескова, жив-

шего на Фурштатской, рядом с Таврическим. Рукотворная Английская миниатюрнейшая механическая Блоха из вороненой стали была успешно подкована русским умельцем, но лишилась своей функции — перестала скакать. Поразительно, это «каноническое» творение Лескова родилось не в Туле, но после беседы о причинах неудач в Крымской войне с оружейным мастером из Сестрорецка.

Российский государственный парламентаризм окуклившийся в Таврическом, как бы не назвался и где бы не размещался, навсегда в своей истории будет пребывать обездвиженной блохой, в лучшем случае бездарной бесполезной и смешной, в худшем — злобной и опасной.

1906 г. Саша Черный. Две Думы (отрывки)⁶.

Первая: Что ни слово — то реформа, / Что ни шаг — идут вперед... / Расширяется платформа — / Демократию в народ! /

Вторая: В шею давши всем свободам, / Обратимся к старине — / В пику западным народам / Будем счастливы вполне!... / Утомянный капризами «Думской блохи», Саша Черный высказал мечту (1909 г.):

*Сжечь корабли и впереди, и сзади,
Лечь на кровать, не глядя ни на что,
Уснуть без снов и, любопытства ради,
Проснуться лет через сто.*

«Лет через сто» это 2009 г. ? или, совсем надежно — 2015 г.

Таврические законодатели! Да вы за 12 лет наворотили такого, что и за тысячу не сделать! Столыпина не отстояли и не пытались. Зато с жидами боролись. Войну разрешили, а ведь могли и не допустить. Царя сдали в феврале... да, вы. Учредительное... там же в Таврическом, лапки кверху и катись всё большевикам... В общем, свирепо это приведение Таврического Дворца. Возможно Князя надо было хоронить по человечески, а уж чтить сам Бог велел. Проснулся бы Саша Черный опять увидел бы этих исходных Таврических духов, правда давно отлетевших из Санкт Петербурга, о которых и с которыми до сих пор колошматятся целые народы.

Туннель в Европу на Фурштатской зарос чертополохом. Появилось много тропинок. Но и они зарастают. Никто уже не манит, не зовет и не ждет.

***

Князь Потемкин Таврический был гениальным полководцем, политиком, правителем и строителем. Его деяния настоящие, не показные. «Потемкинские деревни» — это навет. Он их не строил. Но, представляется, что *все деяния Российские в направлении следования Европе (и её демократии) всегда были построением Потемкинской Деревни, включая драгоценный мне Петербург.*

⁴ Пыляев М. "Старый Петербург". "Таврический Дворец, Гл XIII. М. С.П. "ИКПА" 1990. С. 314 - 316.

⁵ Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М. Изд-во "Терра". 1994. С. 427 - 428.

⁶ Саша Черный. Стихотворения. Серия: Библиотека поэта. Большая серия. 3-е изд. С-Петербург: Петербургский писатель. 1996. С. 414 -416